

БРОШЕННАЯ
ЖЕНА АЛЬФЫ.
ОТКРЫЛА ПРИЮТ
~ для его ~
НЕЗАКОННЫХ ДЕТЕЙ
ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

Юлий Люцифер

**Брошенная жена Альфы. Открыла
приют для его незаконных детей**

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Брошенная жена Альфы.Открыла приют для его незаконных детей
/ Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

Семь лет я была женой Альфы.Семь лет лечилась, обследовалась и винила себя за то, что не смогла подарить ему наследника.А потом Дейрон Вейл спокойно объявил о разводе.Стае нужен будущий Альфа. Значит, ему нужна другая жена.Мне достался старый Рябиновый Дом за пределами стаи и право начать жизнь заново.Я думала, хуже уже не будет.Пока не нашла в доме четверых детей.У каждого своя мать.У каждого документы на имя моего бывшего мужа.И все четверо официально записаны его незаконными детьми.Детьми мужчины, который годами позволял мне считать себя бесплодной.Я могла уйти.Могла отдать их государственной опеке.Могла ненавидеть их за грехи отца, которого они почти не знали.Вместо этого я открыла приют.А потом в Рябиновый Дом приехал Кайр Торрен, Альфа соседней стаи, и заявил, что одна из девочек может быть его погибшей племянницей.Первая кровная экспертиза изменила все.Дейрон не отец ни одного из этих детей.Тогда зачем он годами записывал их на себя?Куда исчезли их настоящие семьи?И почему вместе с детскими именами под контроль моего бывшего мужа переходили земли, счета и наследства?Теперь мне придется защищать не только четверых детей.Мне придется узнать правду о собственном браке.И решить, готова ли я снова довериться Альфе, который не требует от меня стать удобной женой, не обещает решить все за меня и почему-то смотрит так, будто хочет выбрать именно меня.Не Луну.Не хозяйку приюта.Не женщину, которая должна кому-то что-то доказать.Просто меня.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. Цена наследника	6
Глава 1. Четверо в Рябиновом Доме	18
Глава 2. Дети с его фамилией	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог. Цена наследника

Когда Дейрон поднялся со своего места во главе стола, я уже знала, что сегодняшний Совет созвали не ради зимних запасов.

Обычно перед хозяйственными заседаниями мне присылали бумаги заранее. Списки закупок, отчеты лекарей, сведения о ремонте дорог, жалобы семей, расчеты по школе. На этот раз ничего не было. Только короткое сообщение от секретаря Альфы с просьбой явиться в большой зал к полудню.

Просьбой.

За семь лет брака я научилась различать слова, которыми Дейрон называл решения, уже принятые без меня.

В зале сидели двенадцать членов Совета Серого Бора. Почти все мужчины были старше меня. Двое знали меня еще девочкой. Трое каждую осень приходили ко мне просить дополнительные деньги на школу, лечебницу или помощь вдовам. Еще вчера они здоровались со мной как с Луной стаи.

Сегодня многие избегали смотреть в мою сторону.

Это говорило больше любой повестки.

Я сидела справа от Дейрона, на привычном месте, и держала руки на коленях.

На столе передо мной не было даже бумаги.

Дейрон долго не начинал. Он стоял, опираясь пальцами на край темного дерева, и смотрел на людей так, как всегда смотрел перед неприятным решением.

Спокойно.

Уверенно.

Будто уже продумал все возражения и теперь позволял остальным пройти путь до правильного вывода.

Когда-то мне нравилось это качество.

Я считала его надежностью.

— Мы собрались по вопросу наследования власти в Сером Бору, — сказал он.

Никто не удивился.

Кроме меня.

Не потому, что тема была новой.

Последние два года Совет поднимал ее все чаще.

Дейрону исполнилось тридцать семь. Он управлял стаей почти десять лет. Его отец оставил после себя сильное хозяйство, устойчивые договоры с соседями и очень ясное представление о том, каким должен быть следующий Альфа.

Сын действующего Альфы не наследовал должность автоматически.

Но сильный семейный преемник всегда давал стае ощущение устойчивости.

У нас ребенка не было.

Семь лет.

Я знала, сколько это составляет в месяцах.

Сколько лекарей я посетила.

Сколько настоев выпила.

Сколько раз просыпалась утром и первым делом считала дни.

Сколько раз Дейрон говорил:

— Не мучай себя. У нас еще есть время.

Оказалось, времени больше не было.

— В последние месяцы, — продолжил он, — Совет неоднократно обращал мое внимание на необходимость определить будущее руководства стаи.

Старик Ренар Лотт опустил взгляд.

Именно он приходил ко мне весной просить деньги на крышу школы.

Теперь его пальцы лежали на столе так неподвижно, словно он боялся случайно выдать собственное участие.

— Я не намерен уходить с должности, — сказал Дейрон. — Но Альфа обязан думать дальше собственного срока управления.

Я смотрела на его профиль.

Он был красив.

Это не исчезло только потому, что я вдруг захотела встать и уйти.

Темные волосы, прямой нос, жесткая линия подбородка. Человек, которого я когда-то увидела на празднике у реки и подумала, что никогда не смогу спокойно говорить рядом с ним.

Потом смогла.

Потом вышла за него замуж.

Потом научилась делить с ним постель, дом, работу и молчание после очередного отрицательного заключения лекаря.

— Семь лет моего брака с Эйлин не дали стае наследника.

Вот тогда я перестала слышать дыхание людей в зале.

Не потому, что слова были неожиданными.

Потому что он сказал это именно так.

Не нам.

Стае.

Я повернула голову.

Дейрон продолжал смотреть на Совет.

— Я не собираюсь превращать личное обстоятельство в политический кризис.

Я усмехнулась.

Тихо.

Но он слышал.

На мгновение его взгляд встретился с моим.

В нем появилось предупреждение.

Не сейчас.

Не здесь.

Я слишком много лет понимала такие взгляды.

Сегодня решила не помогать.

— Что именно ты предлагаешь? — спросила я.

В зале стало еще тише.

Дейрон медленно выпрямился.

— Мы обсудим это дома.

— Нет. Раз уж мой брак стал вопросом Совета, я хотела бы услышать решение здесь.

Один из старших членов Совета кашлянул.

Дейрон посмотрел на него, затем снова на меня.

— Я подаю прошение о расторжении брака.

Слова легли между нами без крика.

Без обвинения.

Без другой женщины в дверях.

Без сцены.

Наверное, именно поэтому они ударили сильнее.

Я смотрела на Дейрона и пыталась найти хотя бы малейший признак того, что он произнес их впервые.

Не нашла.

Решение существовало давно.
Только меня в нем не было.
— Когда? — спросила я.
Он нахмурился.
— Что?
— Когда ты решил?
— Эйлин.
— Это сложный вопрос?
— Несколько месяцев назад.
У меня внутри стало удивительно пусто.
Несколько месяцев.
Я вспомнила лето.
Мы ездили к лекарю в Арден.
Я сдавала кровь.
Три дня принимала мерзкий отвар, от которого меня тошнило.
Дейрон сидел рядом в кабинете и держал мою руку, пока лекарь объяснял, что причины могут быть разными и окончательных выводов делать рано.
Несколько месяцев назад.
Он уже знал, что собирается развестись.
А я продолжала лечиться.
— Понятно, — сказала я.
Дейрон напрягся.
Он явно ожидал другого.
Возможно, слез.
Возможно, просьбы поговорить наедине.
Когда-то я бы именно так и поступила.
Попросила время.
Попыталась понять.
Объяснила бы, что мы можем пройти еще одного лекаря.
Обсудить усыновление.
Временную передачу наследственного права племяннику.
Что угодно, лишь бы сначала сохранить брак, а потом решить проблему.
Но человек напротив меня уже несколько месяцев жил внутри решения, о котором я узнала минуту назад.
Уговаривать его означало бы снова прийти к разговору последней.
— Прощение подготовлено? — спросила я.
— Да.
— Имущественное соглашение?
Дейрон помолчал.
— Подготовлено предварительно.
Я посмотрела на советников.
Вот почему здесь сидели финансист стаи и старший нотариус.
Не случайно.
Ничего сегодня не происходило впервые.
Кроме моего знания.
— Покажи.
— Эйлин, сейчас не время разбирать бумаги.
— Напротив. Другой причины оставаться здесь я не вижу.
Секретарь Дейрона пошевелился возле стены.

Тот самый мужчина, который последние годы приносил мне отчеты по выплатам вдовам и никогда не забывал поздравить с началом зимы.

Сегодня он достал из папки готовый договор.

Я взяла лист.

Буквы сначала расплывались.

Пришлось медленно вдохнуть.

Потом еще раз.

Это была не слабость.

Просто мое тело почему-то не знало, что ему положено читать юридический текст сразу после того, как закончился семилетний брак.

Я начала с имущества.

Личное приданое возвращалось мне полностью.

Собственные счета оставались за мной.

Подарки, официально зарегистрированные на мое имя, тоже.

Дейрон предлагал пожизненное ежемесячное содержание, достаточное, чтобы я никогда больше не работала.

И Рябиновый Дом.

Я подняла глаза.

— Поместье в Рябиновой Долине?

— Да.

— Оно не используется лет десять.

— Дом в хорошем состоянии.

— Ты был там?

Пауза оказалась короткой.

— Бывал.

Почему-то именно это мне не понравилось.

— Когда?

— По делам хозяйства.

— Каким?

— Эйлин.

Я вернулась к договору.

Не сейчас.

Хорошо.

Я научилась ждать документов.

Рябиновый Дом находился почти в двух часах езды от главного поселения Серого Бора. Когда-то там жила сестра деда Дейрона. Потом поместье использовали как место отдыха для вдов и детей стаи, а еще позже закрыли.

Я была там один раз.

До свадьбы.

Помнила большой сад, старую рябиновую аллею и слишком много комнат для одного дома.

— Почему именно он?

— Ты любила это место.

Я посмотрела на Дейрона.

— Я была там один день двенадцать лет назад.

Он отвел взгляд.

Еще один маленький факт, который следовало положить отдельно.

Потом.

— От содержания я отказываюсь.

На этот раз заговорил нотариус.

— Госпожа Моррен, я бы не советовал принимать решение сразу.

Старая фамилия прозвучала неожиданно.

Моррен.

Не Вейл.

Я еще даже не была разведена, но в его голове уже вернулась к прежнему имени.

— Почему? — спросила я.

— Предложенная сумма является существенной. После расторжения брака вы больше не будете получать выплаты как Луна и потеряете доступ к стаевым фондам.

— Доступ к стаевым фондам я имела для работы, а не для собственного содержания.

— Разумеется. Я говорю только о личных средствах.

Я посмотрела на сумму еще раз.

Дейрон действительно не пытался оставить меня без денег.

Наоборот.

Предлагал достаточно, чтобы потом десятилетиями можно было говорить:
я обеспечил бывшую жену.

Она ни в чем не нуждалась.

Все было достойно.

— Нет.

Дейрон сел.

— Не упрямясь.

В груди впервые за все заседание появилась злость.

Не громкая.

Чистая.

— Я не упрямлюсь.

— Ты сейчас расстроена.

— Да.

— Поэтому не нужно принимать финансовое решение, о котором потом пожалеешь.

Я положила договор на стол.

— Я принимаю свои деньги, личное имущество и дом как окончательный имущественный расчет.

— Эйлин...

— Я не хочу получать от тебя содержание следующие двадцать лет.

— Это не милостыня.

— Я и не называла.

— Тогда в чем проблема?

Я посмотрела ему в лицо.

— В том, что я хочу закончить этот брак.

Дейрон замолчал.

— Полностью, — добавила я. — Не оставлять между нами ежемесячный перевод, который каждый раз будет напоминать, кто когда-то был моей опорой.

Его выражение стало жестче.

— Я никогда не заставлял тебя зависеть от меня.

— Ты правда хочешь обсудить это сейчас?

Вопрос был опасным.

Он понял.

Я тоже.

За семь лет я не получала зарплату за работу Луны.

Так было принято.

Я управляла школами, социальными фондами, лекарскими программами, домами для стариков и частью хозяйственных закупок.

Формально это считалось общественной ролью супруги Альфы.

Никто не запрещал мне иметь собственное дело.

Просто на него никогда не оставалось времени.

И каждый раз, когда я думала взять отдельную работу, находилось что-то более важное для стаи.

Дейрон не запирает меня дома.

Он просто привык, что мое время принадлежит общим задачам.

Я тоже привыкла.

Это было частью моей ответственности.

Частью любви.

Теперь общих задач больше не будет.

— Дом и мои средства, — повторила я. — Этого достаточно.

Дейрон некоторое время смотрел на меня.

— Хорошо.

Нотариус сделал запись.

Я дочитала договор до конца.

— Когда развод вступает в силу?

— После подтверждения Советом и регистрации в Ардене, — ответил нотариус. — При отсутствии спора сторон процедура займет несколько дней.

— Спора нет.

Дейрон повернулся ко мне.

— Ты даже не хочешь поговорить?

Я посмотрела на него.

— Ты хотел поговорить последние несколько месяцев?

Он не ответил.

Этого хватило.

Совет продолжился.

Они обсуждали порядок временного исполнения обязанностей Луны.

Мои текущие документы.

Фонды.

Ключи.

Доступ к школе и лечебнице.

Слушать собственное удаление из жизни оказалось странно.

Не более объявления о разводе.

Просто деловито.

На следующей неделе мои подписи заменят.

Документы передадут.

Ключи заберут.

Люди, которые годами приходили ко мне с вопросами, начнут обращаться к другому человеку.

Я сама обучала нескольких служащих, поэтому система не рухнет.

Именно этого я всегда добивалась.

Хорошая работа не должна была зависеть от одной женщины.

Только раньше я почему-то никогда не думала, что этой женщиной могу перестать быть я.

В конце заседания старик Ренар все же подошел.

— Госпожа Моррен.

Я застегивала папку.

— Да?

Он выглядел неловко.

— Я хотел сказать, что многие в стае благодарны вам за годы работы.

Мне захотелось спросить, почему эти благодарные люди сидели молча, пока мой муж объяснял им необходимость заменить меня более подходящей женщиной.

Но Ренар не принимал решение за Дейрона.

И я не хотела тратить первую минуту своей новой жизни на человека, который просто выбрал удобное молчание.

— Спасибо.

Он кивнул и ушел.

Дейрон ждал возле двери.

— Нам нужно поговорить.

— Хорошо.

Я удивила его согласием.

Мы прошли в его кабинет.

Наш.

Нет.

Уже его.

Я остановилась возле кресла, но не села.

Дейрон закрыл дверь.

— Я не хотел делать это таким образом.

— Каким?

— Перед Советом.

— Но сделал.

— Потому что вопрос касается стаи.

— Понимаю.

— Ты говоришь так, будто я тебя публично унизил.

Я посмотрела на него.

— Ты объявил двенадцати мужчинам, что разводишься с женой, потому что она семь лет не дала тебе наследника.

— Я сказал, что наш брак бездетен.

— Огромная разница.

Он потер переносицу.

— Именно этого я и боялся.

— Чего?

— Что ты будешь слышать только обвинение.

— А что еще я должна услышать?

— Что я не перестал уважать тебя.

Я почти засмеялась.

— Очень своевременно.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Он подошел к окну.

— Селина Арден согласилась рассмотреть брачный договор.

Вот теперь стало ясно окончательно.

Не возможная новая жена.

Не поиск.

Конкретная женщина.

— Когда?

— Что?

— Когда вы начали обсуждать брак?

— После того как я решил подать на развод.

— Когда именно?

Он назвал месяц.

Я мысленно пересчитала.

Через две недели после поездки к лекарю.

В тот день Дейрон держал мою руку.

Через две недели обсуждал новую жену.

Я не чувствовала ревности к Селине.

Пока нет.

Возможно, она придет позже.

Сейчас было только утомительное ощущение, что я несколько месяцев играла в браке, сценарий которого уже переписали без меня.

— У вас были отношения?

— Нет.

Ответ пришел сразу.

Я поверила.

Дейрон мог скрывать решение, но я слишком хорошо знала, каким он становился, когда лгал прямо.

— Она не моя любовница, Эйлин.

— Хорошо.

— Мне важно, чтобы ты понимала.

— Почему?

Он растерялся.

Совсем немного.

— Потому что я не предавал тебя таким образом.

Я медленно кивнула.

— Только другим.

— Я не хотел тебя предавать вообще.

— Тогда почему не сказал несколько месяцев назад?

Дейрон сжал челюсть.

— Потому что хотел сначала решить все так, чтобы тебе не пришлось беспокоиться.

Я закрыла глаза.

Вот.

Та же фраза.

Та же логика.

Решить.

Подготовить.

Обеспечить.

А потом сообщить человеку уже готовый результат.

— Я устала, — сказала я.

— Эйлин.

— Правда. Сегодня я уже услышала достаточно вещей, которые были сделаны ради моего спокойствия без моего участия.

Он замолчал.

Я взялась за ручку двери.

— Я уеду завтра утром.

— Так быстро?

— Зачем оставаться?
— Это твой дом.
— Нет.
Я посмотрела вокруг.
Большой кабинет.
Тяжелые шкафы.
Карта стаи на стене.
Стол Дейрона.
Мои книги в нижнем шкафу.
Две папки с моими заметками.
— Я жила здесь. Это не одно и то же.
Он подошел ближе.
— Рябиновый Дом придется привести в порядок.
— Приведу.
— Там мало персонала.
— Найму.
— Финансовое управление после развода...
— Я умею считать деньги.
— Я знаю.
— Тогда почему ты продолжаешь объяснять мне очевидное?
Дейрон остановился.
Я впервые увидела, что он действительно не понимает.
Не притворяется.
Не пытается задеть.
Он просто привык заботиться именно так.
Определять проблему.
Принимать решение.
Передавать готовое.
Возможно, когда-то мне это даже нравилось.
Пока не оказалось, что одной из проблем стала я.
— Я могу помочь с переездом, — сказал он.
— Не надо.
— Хотя бы возьми людей.
— Возьму тех, кого выберу сама.
— Эйлин, я не враг тебе.
— Я знаю.
Он ожидал продолжения.
Я не дала.
Потому что в этом и была сложность.
Мне было бы проще, окажись Дейрон чудовищем.
Проще ненавидеть.
Проще уйти.
Но семь лет я прожила не с чудовищем.
С человеком, который однажды решил, что знает, что лучше для меня.
А потом повторил это столько раз, что перестал замечать разницу между заботой и управлением.
Я открыла дверь.
— Завтра уеду после завтрака.
Он кивнул.

Потом неожиданно сказал:

— В Рябиновом Доме тебе не будет одиноко.

Я замерла.

Это была жестокая фраза.

Или я слышала ее так.

Дом огромный.

Я одна.

Женщина, которую только что бросили ради будущих детей другого брака.

— Спасибо, — сказала я.

Дейрон нахмурился.

Наверное, понял, как прозвучало.

— Я не это имел в виду.

— Тогда сегодня у тебя удивительно плохо получается говорить то, что ты имеешь в виду.

Я ушла.

В спальне служанка уже знала.

Конечно.

В доме Альфы новости двигались быстрее официальных писем.

Мира стояла у шкафа и держала в руках два платья.

— Госпожа...

— Сложи оба.

Она кивнула.

Глаза у нее были красные.

Я не стала спрашивать почему.

Возможно, плакала за меня.

Возможно, боялась, что после смены Луны изменится персонал.

Сегодня у каждого была собственная причина для тревоги.

Я открыла сундук.

Один.

Мне нужен был один экипаж.

Я не собиралась вывозить половину дома только потому, что прожила здесь семь лет.

Личные платья.

Книги.

Документы.

Украшения матери.

Рабочие тетради.

Несколько подарков.

Все остальное либо принадлежало стае, либо никогда не было для меня достаточно важным.

Мира молча складывала одежду.

Через час я нашла в нижнем ящике маленький белый платок.

Край был вышит серебряной нитью.

Я держала его несколько секунд, прежде чем вспомнила.

Я купила ткань пять лет назад.

Хотела вышить комплект для младенца.

Один платок закончила.

Потом лекарь сказал подождать с надеждами.

Я убрала его.

И забыла.

Мира увидела.

Отвернулась.
Я не заплакала.
Не потому, что была сильной.
Просто сегодня внутри уже не осталось места для еще одной боли.
Я сложила платок отдельно.
Не выбросила.
Он не был виноват.
Как и я.
Утром во дворе стоял один экипаж.
Дейрон вышел проводить меня.
Члены Совета не пришли.
К счастью.
Мне не хотелось последней церемонии.
Мира решила остаться в доме Альфы. Я сама ее убедила.
У нее здесь жила сестра, был хороший заработок и знакомая работа.
Мне не требовалось доказывать собственную самостоятельность, увозя за собой людей,
которым это было неудобно.
— Напиши, если понадобится помощь, — сказал Дейрон.
Я стояла у дверцы экипажа.
— Хорошо.
— Я серьезно.
— Я тоже.
Он помолчал.
— Я не хотел, чтобы ты уезжала с ощущением, что семь лет ничего не значили.
Я посмотрела на него.
— Значили.
Это было правдой.
Не все прошлое превращалось в ложь только потому, что конец оказался таким.
Я любила его.
Иногда он любил меня так, как умел.
Мы смеялись.
Спали рядом.
Работали.
Спорили.
Строили планы.
Я не собиралась переписывать семь лет только ради того, чтобы проще пережить восьмой.
— Тогда...
Он не закончил.
Я тоже не стала помогать.
Села в экипаж.
Когда ворота дома Альфы остались позади, мне было тридцать два года, у меня не было мужа, должности Луны, привычной работы и ни одного плана дальше ближайшего вечера.
В сундуке лежали мои вещи.
В сумке — собственные деньги.
В кармане — ключи от дома, в котором я провела один день двенадцать лет назад.
Этого было мало для новой жизни.
Но достаточно, чтобы до нее доехать.
Рябиновая Долина показалась ближе к полудню.
Дом я увидела издалека.

Он оказался больше, чем помнила.

Три этажа под темной крышей, широкое крыльцо, сад, уже тронутый осенью, и две старые рябины возле ворот.

Не развалина.

Наоборот.

В одном из окон горел свет.

Я нахмурилась.

Дейрон говорил, что здесь мало персонала.

Не что дом пуст.

Ладно.

Кто-то из зрителей мог жить внутри.

Экипаж остановился возле крыльца.

Кучер спрыгнул первым.

Я взялась за ручку двери.

И услышала смех.

Детский.

Совсем близко.

Потом второй голос.

Кто-то закричал:

— Том, не беги по лестнице!

Я замерла.

Кучер посмотрел на меня.

— Госпожа Моррен?

Я медленно подняла взгляд на освещенное окно.

Теперь там мелькнула маленькая тень.

Потом еще одна.

Слова Дейрона из вчерашнего кабинета вернулись слишком ясно.

«Ты всегда хотела детей. В Рябиновом Доме тебе не будет одиноко».

Вчера я решила, что он просто выбрал особенно жестокий способ попрощаться.

Сегодня впервые подумала, что он говорил совсем о другом.

Глава 1. Четверо в Рябиновом Доме

Я не успела выйти из экипажа, когда входная дверь распахнулась.
На крыльце появился мальчик лет пяти. Худой, растрепанный, в слишком длинной рубашке и одном чулке. Второй он, судя по всему, потерял где-то по дороге от спальни до входа.
Мальчик остановился, увидев меня.
Я тоже.
Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.
Потом из дома донесся женский голос:
— Том, я сказала не выбегать на улицу без сапог.
Мальчик сразу спрятал босую ногу за вторую, будто это могло решить проблему.
На пороге появилась женщина.
Ей было около пятидесяти. Темное платье, белый передник, седина у висков, усталое лицо человека, который с утра уже успел сделать слишком много.
Она увидела экипаж.
Потом меня.
И побледнела.
Это мне не понравилось.
— Госпожа Вейл.
Имя бывшего мужа прозвучало так неожиданно, что я не сразу ответила.
— Моррен.
Женщина растерялась.
— Простите?
— Теперь Моррен.
Она перевела взгляд на кучера, потом снова на меня.
— Я не знала, что вы приедете сегодня.
— Судя по всему, я многого не знала.
Мальчик возле двери продолжал рассматривать меня с совершенно открытым любопытством.
Женщина опустила ладонь ему на плечо.
— Том, иди в дом.
— А кто это?
— Иди.
Он не сдвинулся.
— Это новая хозяйка?
Я посмотрела на женщину.
Она закрыла глаза на секунду.
— Том.
— Я просто спросил.
— Иди к Нессе.
Мальчик наконец развернулся и убежал.
По коридору застучали босые ноги.
Я поднялась на крыльцо.
— Ваше имя?
— Марта Келлен.
Фамилия была знакомой.
Не сама женщина.

Марта Келлен несколько лет получала выплаты из хозяйственного фонда Серого Бора. Я помнила имя из ежегодных ведомостей.

Тогда она проходила как смотритель удаленного имущества.

Я никогда не уточняла какого именно.

Рябиновый Дом.

Разумеется.

— Вы управляете поместьем?

— Слежу за домом и детьми.

Она произнесла последнее слово уже тише.

— Сколько их?

Марта посмотрела на меня так, будто пыталась решить, действительно ли я не знаю.

— Четверо.

В груди стало тесно.

Я не хотела делать выводы раньше времени.

Четверо детей могли быть кем угодно.

Сиротами служащих.

Подопечными стаи.

Детьми дальних родственников.

Старый дом когда-то использовался именно для семей, которым требовалась помощь.

— Где их родители?

Марта не ответила.

Вот тогда я поняла.

Еще не знала подробностей.

Но поняла достаточно.

Я вошла в дом.

Передняя почти не изменилась с моего единственного визита двенадцать лет назад. Светлые стены, темное дерево, длинная скамья возле лестницы.

Только под ней стояла детская обувь.

Много.

Две пары сапог.

Одни маленькие ботинки с почти стертой подошвой.

Туфли девочки.

Еще одна пара сапог, аккуратно поставленная носками к стене.

На крючке висело маленькое пальто.

Рядом шарф.

Чужая обычная жизнь.

Спрятанная в доме, который вчера мой муж передал мне как часть развода.

Я медленно сняла перчатки.

— Марта, мне нужны документы.

Она стояла у двери.

— Какие?

— Все, что касается детей.

— Госпожа...

— Все.

В голосе не было крика.

Именно поэтому женщина перестала пытаться что-либо объяснить.

Она кивнула.

— Они в кабинете.

Я пошла следом.

Кучер остался заносить вещи.
Мы прошли через коридор.
Из кухни пахло хлебом, тушеным мясом и яблоками.
Я машинально повернула голову.
На большом столе стояло шесть тарелок.
Четыре маленьких.
Две взрослых.
Марта заметила, куда я смотрю.
— Они еще не обедали.
— Пусть обедают.
— Я хотела сначала...
— Дети не должны ждать еды, пока мы разбираемся с документами.
Она кивнула.
На мгновение ее лицо стало мягче.
Будто до этой фразы она не знала, чего от меня ожидать.
Я тоже не знала.
Кабинет находился в задней части дома.
Небольшая комната с двумя окнами и старым столом.
Марта открыла нижний шкаф и достала толстую папку.
Положила передо мной.
Я села.
Первая страница была обычным регистрационным листом.
Имя:
Несса Вейл.
Возраст:
одиннадцать лет.
Мать:
Элара Норн.
Отец:
Дейрон Вейл.
Я перечитала.
Потом еще раз.
Буквы не изменились.
Дейрон Вейл.
Мой муж.
До вчерашнего дня.
Я перевернула страницу.
Второй ребенок.
Финн Вейл.
Девять лет.
Другая мать.
Отец:
Дейрон Вейл.
Третий.
Лея.
Семь.
Другая женщина.
Дейрон Вейл.
Том.

Пять.
Снова другая мать.
Снова он.
Я закрыла папку.
Марта стояла напротив стола.
— Как давно они здесь?
— Несса почти шесть лет.
Я подняла глаза.
— Шесть?
— Да.
Шесть лет.
На втором году нашего брака.
Когда я впервые начала всерьез волноваться, что беременность не наступает.
Когда Дейрон отвез меня к первому лекарю.
Когда я пила настой каждое утро и считала дни.
В это же время в двух часах от нашего дома жила его дочь.
Я снова открыла папку.
— А Финн?
— Четыре с половиной года.
— Лея?
— Три.
— Том?
— Почти два.
Я откинулась на спинку стула.
Мне вдруг стало очень жарко.
Слишком жарко для осеннего дома.
Я расстегнула верхнюю пуговицу дорожного пальто.
— Вы знали, кто я?
Марта побледнела.
— Да.
— Все эти годы?
— Я знала, что вы жена Альфы.
— И никогда не подумали сообщить мне?
— Мне запрещали.
— Кто?
Она молчала.
Мне не требовался ответ.
Но я все равно заставила ее произнести.
— Господин Вейл.
Слова легли спокойно.
Мне было бы легче, если бы Марта врала.
Если бы оказалось, что она сама придумала документы.
Что я не так прочитала фамилию.
Что Дейрон привозил сюда детей других мужчин и просто оформлял опеку.
Но нет.
Четыре свидетельства.
Четыре разные женщины.
Один отец.
Дейрон.

Семь лет он лежал рядом со мной.
Семь лет смотрел, как я винила себя.
И при этом уже имел детей.
Не одного.
Четверых.
Я встала.
— Госпожа Моррен...
— Не надо.
Марта замолчала.
Я подошла к окну.
Снаружи кучер переносил мой сундук.
У крыльца стояла маленькая деревянная тележка.
Кто-то оставил в ней три камня и палку.
Обычная детская вещь.
Не доказательство предательства.
Не часть политического решения.
Просто тележка.
И мне пришлось напомнить себе, что люди, живущие в этом доме, ничего мне не сделали.
— Дети знают, кто их отец?
— Они знают, что в документах записан господин Вейл.
— Он приезжал?
Марта ответила не сразу.
— Иногда.
Я повернулась.
— Иногда это сколько?
— Два или три раза в год. Иногда реже.
— Они называли его отцом?
— Нет.
Это удивило.
— Почему?
— Он не просил.
— А что говорил им?
— Что отвечает за дом. Что они под его защитой.
— Несса помнит мать?
— Немного.
— Остальные?
— Финн помнит родителей.
Я нахмурилась.
— Родителей?
Марта поняла ошибку.
— Он жил с матерью до пяти лет.
— А отец?
— В документах господин Вейл.
— Я вижу, что в документах.
Она опустила взгляд.
Что-то здесь уже не сходилось.
Но сейчас мое собственное унижение было слишком свежим, чтобы я сразу увидела все несоответствия.
— Матери детей живы?

— Насколько я знаю, нет.

— Насколько вы знаете?

— Мне передавали документы вместе с детьми. Я не занималась поиском родственников.

— Кто передавал?

— Обычно господин Холт.

Варен Холт.

Управляющий реестрами Серого Бора.

Еще одно знакомое имя.

Человек, который десятки раз сидел со мной за одним столом.

Подписывал мои отчеты.

Присылал ведомости.

Никогда не упоминал четырех детей Альфы.

Я закрыла глаза.

Не сейчас.

Мне нужно было сначала понять, в каком положении оказался дом.

— За чей счет вы жили?

— Из хозяйственного фонда.

— Какого?

Марта достала вторую папку.

Счета.

Закупки.

Плата слугам.

Лекарства.

Ремонт.

Я сразу узнала форму.

Это были те самые расходы, которые годами приходили мне как «удаленное хозяйство Рябиновой Долины».

Я проверяла общий бюджет.

Не отдельные имена.

Фонд не был большим.

Дом обходился стае дешевле одного хорошего городского склада.

Я никогда не задавала дополнительных вопросов.

Потому что подпись Дейрона уже стояла на документах.

Я чувствовала, как гнев начинает менять направление.

На себя.

Остановила.

Нет.

Я не должна была проверять каждый сарай Серого Бора, ожидая найти в нем незаконных детей собственного мужа.

Ответственность за ложь оставалась на том, кто лгал.

— Почему здесь так мало вещей? — спросила я.

— В каком смысле?

— Детская обувь изношена. У Тома одна рубашка явно старше его самого. Я видела окно на втором этаже, заклеенное бумагой.

Марта поджала губы.

— Деньги приходили не всегда вовремя.

— Но в отчетах выплаты регулярные.

— С этого года стало хуже.

Я вернулась к столу.

— Насколько?
— Иногда задерживали месяц.
— Кто?
— Я писала господину Холту. Он отвечал, что у стаи много расходов.
Я запомнила.
— Сколько человек работает в доме?
— Я. Кухарка Хеста. Мужчина из деревни приходит два раза в неделю на тяжелые работы.
— Учитель?
— Нет.
— Дети нигде не учатся?
— Несса учит младших читать и считать. Я тоже помогаю.
Я посмотрела на папку.
Дейрон был Альфой одной из богатейших стай на севере.
Его четверо детей жили в старом доме без учителя.
Если это действительно были его дети.
Мысль пришла впервые.
Тихо.
Почти незаметно.
Я сразу отложила ее.
Не потому, что считала невозможной.
Просто пока у меня не было основания.
Документы говорили одно.
Нужно начинать с них.
Из кухни донесся шум.
Марта повернула голову.
— Им надо обедать.
— Идите.
— А вы?
— Я останусь здесь.
Она сделала несколько шагов.
Потом остановилась.
— Госпожа Моррен.
— Да?
— Они не виноваты.
Я смотрела на нее.
— Я знаю.
— Несса поймет, если вы сердитесь. Но маленькие...
— Марта.
Она замолчала.
— Я знаю.
И на этот раз сказала медленнее.
Потому что мне действительно было важно, чтобы женщина поверила.
— Ни один ребенок не отвечает за то, как появился его документ о рождении.
Марта кивнула.
Ушла.
Я осталась одна.
Передо мной лежали четыре имени.
Несса.
Финн.

Лея.

Том.

Вчера я была женой мужчины, которому якобы не смогла дать наследника.

Сегодня сидела в доме с четырьмя его детьми.

Мне хотелось кричать.

Нет.

Не кричать.

Хотелось вернуться.

Сесть напротив Дейрона.

Положить перед ним документы.

Спросить, сколько раз он приходил сюда после того, как держал меня за руку у лекаря.

Сколько матерей было.

Любил ли он их.

Знали ли они обо мне.

Почему дети спрятаны здесь.

Почему ни одного не привезли в основную стаю.

Почему, если ему так нужен наследник, он никогда не признал старшую дочь публично.

Вопросов было слишком много.

И один самый болезненный:

почему он позволял мне считать себя причиной?

На стол легла тень.

Я подняла голову.

В дверях стояла девочка.

Одиннадцать лет.

Это я поняла сразу.

Несса.

Темные волосы собраны в длинную косу. Серое платье аккуратно заштопано у локтя.

Тонкое лицо и слишком серьезный взгляд.

Она не вошла.

— Марта сказала, вы приехали жить здесь.

— Да.

— Надолго?

Я задумалась.

— Думаю, да.

— А нас отправят?

Вот и главное.

Не кто я.

Не почему приехала.

Отправят ли их.

— Куда?

Она пожала плечами.

— Куда обычно отправляют.

— Я не знаю, куда вас обычно отправляют.

— Я тоже.

Она сказала это без жалости к себе.

От этого стало хуже.

— Кто сказал, что вас должны куда-то отправить?

— Никто.

— Тогда почему спрашиваешь?

Несса посмотрела на папку передо мной.

Она знала, что внутри.

— Потому что дом теперь ваш.

Логика ребенка.

Простая.

Дом сменил хозяина.

Значит, люди внутри тоже могут смениться.

— Дом мой, — сказала я. — Но это не означает, что я могу сегодня решить, куда вы поедете.

— Вы можете.

— Нет.

Она нахмурилась.

— Альфа мог.

Я почувствовала неприятный холод.

— Что мог?

— Решать.

— За вас?

Несса пожала плечами.

Для нее это было очевидно.

Я закрыла папку.

— Иди сюда.

Она не подошла.

Я сразу поняла ошибку.

Не надо звать ребенка ближе только потому, что взрослому хочется говорить мягче.

— Хорошо. Стой там, если тебе удобнее.

Несса осталась у двери.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала я. — Сегодня я сама впервые узнала, что вы здесь живете.

Она следила за мной очень внимательно.

— Совсем не знали?

— Совсем.

— Даже про нас?

— Даже про вас.

— Но вы жена Альфы.

Я выдохнула.

— Была.

Она опустила взгляд.

Наверное, в доме уже знали о разводе.

Или Дейрон сообщил заранее.

— Вы из-за нас?

— Что?

— Развелись.

Мне потребовалось несколько секунд.

— Нет.

Несса впервые выглядела моложе одиннадцати.

— Точно?

— Точно.

Я не собиралась рассказывать девочке, что ее предполагаемый отец бросил жену из-за отсутствия детей, пока сам годами скрывал четверых.

— Причина развода не в вас.

Она кивнула, но не сразу поверила.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Вы нас ненавидите?

Вопрос был настолько прямым, что я почувствовала боль почти физически.

Я встала.

Не приблизилась.

Просто больше не хотела отвечать из-за стола, где лежали доказательства чужой лжи.

— Нет.

— Но вы сердитесь.

— Очень.

— На нас?

— На взрослых.

Она снова посмотрела на папку.

— На Альфу?

Я не стала лгать.

— Да.

Несса задумалась.

— Я тоже иногда.

Вот это было неожиданно.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Он всегда говорил, что потом решит.

— Что?

— Все.

Я едва не рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

Потому что это был весь Дейрон в одном детском предложении.

Потом решит.

Все.

— Обедай, — сказала я. — После поговорим.

— Вы тоже будете?

Я хотела отказаться.

Мне было не до еды.

Но Несса спросила не просто из вежливости.

Она проверяла, останусь ли я частью дома хотя бы до следующего часа.

— Буду.

Она кивнула.

— Тогда Том не съест ваше яблоко.

— У меня есть отдельное яблоко?

— Хеста режет всем по половине. Но гостям целое.

— Я уже не гость.

Несса посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Тогда половина.

Она ушла.

Я осталась стоять.

Через минуту услышала на кухне ее голос:

— Том, не трогай яблоко. Она идет.

Впервые за весь день мне захотелось улыбнуться.
Совсем немного.
На кухне дети сидели за большим столом.
Я увидела остальных.
Финн оказался худым мальчиком с русыми волосами и настороженным лицом. Перед ним лежала ложка, которую он крутил между пальцами, будто проверял механизм.
Лея сидела рядом с Мартой.
Светлые волосы падали на щеки. Девочка почти не смотрела на меня.
Том уже успел найти второй чулок.
Сапоги нет.
— Это она, — сообщил он всем.
— Мы заметили, — сказал Финн.
Ему было девять.
Но голос уже пытался звучать старше.
Я села на свободное место.
Хеста поставила передо мной тарелку.
— Простите, ничего особенного.
— Пахнет хорошо.
Женщина выглядела испуганной не меньше Марты.
Я начала есть.
Дети сначала молчали.
Потом Том не выдержал.
— Вы правда были Луной?
— Правда.
— А вы превращаетесь?
— Конечно.
— В большую волчицу?
— В обычную взрослую.
Он разочаровался.
— Несса больше.
— Несса еще не превращается, — сказал Финн.
— Будет большая.
— Откуда ты знаешь?
— Она высокая.
Финн посмотрел на меня.
— Рост человека не всегда означает размер волка.
— Верно, — сказала я.
Он явно не ожидал поддержки.
— Видишь? — сказал он Тому.
Том подумал.
— Все равно будет большая.
Лея тихо улыбнулась в тарелку.
Обычный разговор.
Меня вдруг накрыло странное ощущение.
Если документы правдивы, передо мной сидели дети Дейрона.
Я пыталась найти в них его черты.
Не хотела.
Но взгляд делал это сам.
Темные волосы Нессы.

Форма подбородка Финна.

Глаза Леи.

Нос Тома.

Ничего.

Или я просто не умела видеть.

У оборотней родство не определяли по внешности.

Тем более по запаху, как любили писать дешевые романтические истории.

Детский запах менялся с возрастом, едой, домом, болезнями и сотней других вещей.

Он ничего не доказывал.

— Госпожа Моррен, — спросил Финн.

— Эйлин.

Он замер.

— Что?

— Можешь называть меня Эйлин.

— Нам нельзя взрослых по имени.

— Кто сказал?

— Марта.

Я посмотрела на нее.

Она вздохнула.

— Я учила их вежливости.

— Вежливость не обязательно означает титул.

Финн все равно не решился.

— Госпожа Эйлин?

— Уже лучше.

Несса закатила глаза.

— Это звучит глупо.

— Ты называй как тебе удобно.

— Я пока никак.

Честно.

Мне понравилось.

После обеда я попросила Марту показать комнаты.

Дом оказался одновременно лучше и хуже, чем выглядел снаружи.

Крыша в основном держала.

Водяной насос работал.

Кухня была большой.

Печь на первом этаже недавно ремонтировали.

Но детские комнаты находились в западном крыле, где зимой явно будет холодно.

Одно окно заклеено промасленной бумагой вместо треснувшего стекла.

Две кровати слишком маленькие.

У Тома матрас лежал почти на полу.

— Почему не купили новый? — спросила я.

Марта устало ответила:

— Писала трижды.

— Кому?

— Господину Холту.

Снова Варен.

— Ответ?

— Что расходы рассмотрят после осеннего Совета.

Я запомнила.

В комнате Леи стояла корзина с тряпичными животными.
Не игрушками из магазина.
Самодельными.

Один волк был сшит особенно аккуратно.

— Несса делает, — объяснила Марта.

У девочки самой игрушек почти не было.

Зато младшим сшила.

В комнате Финна возле окна лежали разобранные дверные петли, две сломанные часы и пружина неизвестного происхождения.

— Он это собирает?

— Разбирает.

— Потом собирает?

— Иногда.

— Иногда получается?

Марта улыбнулась.

— Реже.

В комнате Нессы на полке стояли четыре кружки.

Каждая разная.

— Почему здесь?

— Когда младшие болеют или боятся грозы, приходят к ней. Она делает им теплое молоко.

Я провела пальцем по краю одной кружки.

Одиннадцатилетняя девочка фактически была второй взрослой в доме.

Это нужно было менять.

Не сегодня.

Но скоро.

— Есть лекарские записи?

— Да.

— Учебные?

— Только мои.

— Одежные списки?

— Нет.

— Расходы по каждому ребенку?

— Нет. Все вместе.

Мне приходилось сдерживать раздражение.

Не на Марту.

Система была устроена так, чтобы дети существовали одной строкой.

Удаленное хозяйство.

Без отдельных потребностей.

Без прозрачных счетов.

Удобно.

— Завтра начнем новую книгу расходов.

Марта посмотрела на меня.

— Завтра?

— Да.

— Значит, вы останетесь.

— Я же сказала.

Она опустила глаза.

— Простите.

— За что?

— Я просто думала, после документов...

— Что выгоню детей?

Марта не ответила.

— Не выгоню.

— А что будете делать?

Вот это был хороший вопрос.

Я пока не знала.

— Сначала разберусь, кто имеет законное право ими распоряжаться.

Марта побледнела.

— Альфа.

— Возможно.

— В документах он отец.

— Я вижу.

— Вы сомневаетесь?

Я посмотрела на нее.

— Пока я сомневаюсь только в том, что понимаю хоть половину происходящего.

Это было честно.

После осмотра я вернулась в кабинет.

До вечера изучала документы.

Четыре свидетельства выглядели настоящими.

Печати.

Номера.

Подписи регистраторов.

Все оформлено законно на вид.

Но была странность.

Несса родилась одиннадцать лет назад.

Финн девять.

Лея семь.

Том пять.

И все четверо появились в центральном реестре почти одновременно.

Не родились.

Именно появились.

В течение одного месяца шесть лет назад.

Несса была внесена первой.

Через девять дней Финн.

Еще через неделю Лея.

Том в то время вообще еще не родился, поэтому его регистрация шла позже и выглядела обычнее.

Но первые трое получили новые записи почти вместе.

У всех в графе дополнительного подтверждения стояло одно имя:

Варен Холт.

Я выписала номера.

Потом нашла хозяйственные счета.

Первый платеж на Рябиновый Дом резко увеличился именно в тот же месяц.

Дейрон не просто имел детей.

Он собрал их здесь почти одновременно.

Почему?

Я отложила перо.

Снаружи уже темнело.

Из коридора донесся спор.

— Я не буду.

— Будешь.

— Не буду.

— Финн, Марта сказала убрать.

— Я завтра.

— Ты вчера говорил завтра.

Я вышла.

Несса стояла возле лестницы, сложив руки.

Финн держал деревянную коробку.

— Что происходит?

Оба замолчали.

— Ничего, — сказал Финн.

— Он оставил детали на лестнице. Том утром наступил.

— Я убрал.

— Ты переставил на другую ступень.

— Это считается.

— Нет.

Я посмотрела на коробку.

Внутри лежали гвозди, маленькие металлические детали и что-то похожее на пружину.

— Есть место, где ты можешь это хранить?

Финн пожал плечами.

— В комнате нельзя. Лея боится, что Том проглотит винт.

— Почему Лея решает, что можно хранить в твоей комнате?

Он покраснел.

Несса объяснила:

— Они спят рядом. Между комнатами дверь не закрывается.

Еще одна проблема.

— Завтра найдем тебе ящик с замком.

Финн посмотрел недоверчиво.

— Настоящим?

— Если не будешь оставлять железо на лестнице.

Он задумался.

— Хорошо.

— А сейчас убери коробку туда, где Том не достанет.

Он ушел.

Несса осталась.

— Вы ему купите?

— Если найду.

— Он сломает.

— Тогда починит.

— Или нет.

— Тогда поймет, что сломал собственный ящик.

Она чуть улыбнулась.

Потом сразу стала серьезной.

— Вы правда останетесь?

— Почему все сегодня спрашивают одно и то же?

— Потому что взрослые часто говорят одно, а делают другое.

Я не знала, кто именно научил ее этому.

Дейрон?

Другие опекуны?

Жизнь до этого дома?

— Я останусь сегодня, — сказала я. — Завтра тоже. Дальше буду говорить тебе только то, что знаю точно.

Несса посмотрела на меня.

— Это мало.

— Зато правда.

Она подумала.

— Хорошо.

— Несса.

Она уже собиралась уйти.

— Да?

— Ты не обязана следить за всеми младшими постоянно.

Девочка напряглась.

— Я не слежу.

— Следишь.

— Они маленькие.

— Именно поэтому за ними должны отвечать взрослые.

— Марта одна.

— Теперь нет.

Несса не ответила.

Но взгляд изменился.

Не доверие.

Пока рано.

Скорее осторожное внимание.

Она ушла наверх.

Я вернулась в кабинет.

На столе лежала четвертая папка.

Не детская.

Старая.

Я нашла ее в нижнем шкафу за хозяйственными книгами.

На обложке выцвели слова:

«Рябиновый Дом. Благотворительная хартия».

Я открыла.

Документ оказался значительно старше Дейрона.

Создан еще при прадеде его отца.

Рябиновый Дом учреждался как частное семейное место помощи вдовам, сиротам и детям членов стаи, временно оставшимся без опеки.

Я читала дальше.

Собственник дома имел право содержать до двенадцати несовершеннолетних.

При условии:

безопасного проживания;

питания;

лекарского надзора;

образования;

отдельного учета средств.

Хартия не была отменена.

На последнем листе стояла отметка:

«Деятельность приостановлена по отсутствию подопечных. Регистрационное право сохраняется за объектом до добровольного прекращения владельцем».

Я перечитала.

Потом еще раз.

Дом можно было снова открыть как учреждение.

Не мгновенно.

Понадобится проверка.

Учитель.

Лекарь.

Нормальные комнаты.

Отчетность.

Но само право существовало.

Я посмотрела на потолок.

Надо мной спали четверо детей, юридически записанных на имя мужчины, который вчера бросил меня из-за отсутствия наследника.

Совет, вероятно, еще не знал о них.

Иначе сегодняшний развод выглядел бы совершенно иначе.

Или знал?

Нет.

Не стоило угадывать.

Утром я отправлю запрос.

Сначала в центральную регистрацию.

Потом в службу опеки.

Потом Лиссе Норн, старому управляющему социального отдела, с которым работала несколько лет.

Мне понадобятся люди.

Деньги.

Ремонт.

И ответы.

Я закрыла хартию около полуночи.

Поднялась наверх.

Комната, которую подготовили для меня, находилась в восточном крыле.

Мои вещи уже стояли возле кровати.

Я сняла платье.

Умылась.

Легла.

И поняла, что не могу закрыть глаза.

Передо мной снова появлялась первая строка документа.

Несса Вейл.

Отец: Дейрон Вейл.

Потом Финн.

Лея.

Том.

Я вспомнила белый платок в сундуке.

Лекарей.

Дейрона, который говорил:

«Не мучай себя».

Мне хотелось плакать.

На этот раз слезы пришли.

Тихо.

Без красивой сцены.

Я лежала, закрыв лицо ладонью, и плакала по женщине, которая семь лет считала собственное тело причиной чужого разочарования.

По ребенку, которого ждала.

По браку, в котором рядом со мной существовала целая жизнь, о которой мне не рассказали.

Но даже сейчас я не могла заставить себя ненавидеть детей этажом ниже.

Они были не доказательством моей недостаточности.

Они были доказательством его лжи.

Это не одно и то же.

Я уснула поздно.

Разбудил стук.

Сначала я решила, что это Том.

Потом стук повторился.

Тяжелый.

Во входную дверь.

За окном только начинало светать.

Я быстро оделась и спустилась.

Марта уже стояла в передней.

В руках держала письмо.

Лицо было белым.

— Что случилось?

Она протянула конверт.

— Курьер Совета.

— В такую рань?

— Он сказал вручить немедленно новой хозяйке.

Я открыла.

Официальная бумага.

Печать государственной службы опеки.

Я прочитала первую строку.

Потом вторую.

Четверо несовершеннолетних:

Несса Вейл;

Финн Вейл;

Лея Вейл;

Том Вейл.

В связи с изменением владельца места проживания и отсутствием подтвержденного лицензированного опекуна подлежали передаче государственному дому до установления дальнейшего статуса.

Срок:

сегодня до шести вечера.

Марта сжала руки.

— Они заберут детей?

Я дочитала до конца.

Не ответила сразу.

Потом повернулась и пошла в кабинет.

— Госпожа Моррен?

— Разбудите Хесту. Дети должны нормально позавтракать.

— А потом?

Я достала старую хартию и положила рядом с приказом.

Две бумаги.

Одна новая.

Другая почти забытая.

— Потом мы выясним, действительно ли Совет имеет право забрать их сегодня.

Марта смотрела на меня.

— А если имеет?

Я провела пальцем по строке старого документа:

«Право временного содержания несовершеннолетних сохраняется за зарегистрированным владельцем Рябинового Дома».

— Тогда я успею подать заявление раньше, чем они приедут.

— Вы хотите оставить детей здесь?

Я подняла глаза.

Наверху скрипнула половица.

Кто-то уже проснулся.

Возможно, Несса.

Возможно, Финн.

Четверо детей, которых вчера я впервые увидела.

Четверо детей моего бывшего мужа.

Или людей, которых я пока вообще не знала.

Но вчера Несса спросила, выгоню ли я их.

Я обещала говорить только то, что знаю точно.

Сейчас я знала одно.

— Сегодня никто отсюда не уедет без проверки.

Я взяла перо и чистый лист.

В верхней строке написала:

«Заявление о восстановлении деятельности Рябинового Дома как частного учреждения временной опеки».

И впервые после развода мое имя оказалось под решением, которое никто не принял за меня.

Глава 2. Дети с его фамилией

К восьми утра я успела написать три заявления, разбудить человека в регистрационной службе и узнать, что старая благотворительная хартия Рябинового Дома действительно числилась действующей.

Это была хорошая новость.

Плохих оказалось больше.

— Вы имеете право подать заявление на возобновление работы учреждения, — объяснял мне по переговорной пластине сонный служащий из Ардена. — Но до проверки дома разрешение считается временным.

— Мне сейчас и нужно временное.

— Госпожа Моррен, временное не означает автоматическое.

— А что означает?

На другом конце тяжело вздохнули.

Я сидела в кабинете, прижав пластину к уху, и смотрела на приказ опеки, лежавший рядом со старой хартией.

— Заявление должен принять районный представитель Совета. После регистрации он может оставить несовершеннолетних на месте до первичного осмотра.

— Может или обязан?

— Может.

— По каким основаниям может отказать?

Пауза.

— Вы всегда так разговариваете с регистраторами?

— Семь лет работала с бюджетами стаи. Иначе ваши коллеги присылают ответ из трех страниц, в котором нет ответа.

Служащий, кажется, окончательно проснулся.

— Если помещение явно непригодно для проживания, если собственник не способен обеспечить содержание или если есть непосредственная угроза детям.

— Дом пригоден.

Я посмотрела на заклеенное окно, которое было видно из кабинета через двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.